

Окуните ваши кисти

Москвичам предложили оценить красоту столичных луж и ветхости особняков

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

В конце прошлой недели в Новом Манеже открылась выставка Владимира Брайнина «Диалог с собой», на которой представлено почти две сотни новых полотен художника, известного певца старинной Москвы. В отличие от своих коллег-пейзажистов из Академии художеств, Брайнин приобрел репутацию певца очень интеллигентного и даже в чем-то авангардного.

К выставке Владимира Брайнина входную плату в манежные залы повысили более чем в два раза. Очевидно, уровень экспонатов заставил соблюсти равновесие цены и качества. Случайные посетители на вопрос «что показывают», получают от смотрительниц восторженный ответ: «Прекрасная выставка! Старинные виды Москвы!». Путаницу с определениями – виды-то как раз по преимуществу новые, созданные в 2004–2005 годах, – в данном случае можно оправдать. Ведь полотна Брайнина мало того что запечатлевают тихие переулочки столицы, ее обветшалые особняки, чудом уцелевшую лепнину на фасадах, скульптурных львов перед Музеем современной истории (бывшим Английским клубом), но они и сами по себе смотрятся как

вызов времени – за 20 лет ни манера, ни набор сюжетов художника почти не изменились. В своем созерцании старой Москвы Брайнин никак не хочет становиться краеведом: его интересует не город, а отдельные мотивы, схваченные цепким взглядом прохожего. Набор «прогулочных эмоций», выраженных быстрой кистью. Вот словно бы ожившие кариатиды Армянского переулка, хрупкие рельефы домов в переулках Арбата, кованые решетки Петровского бульвара.

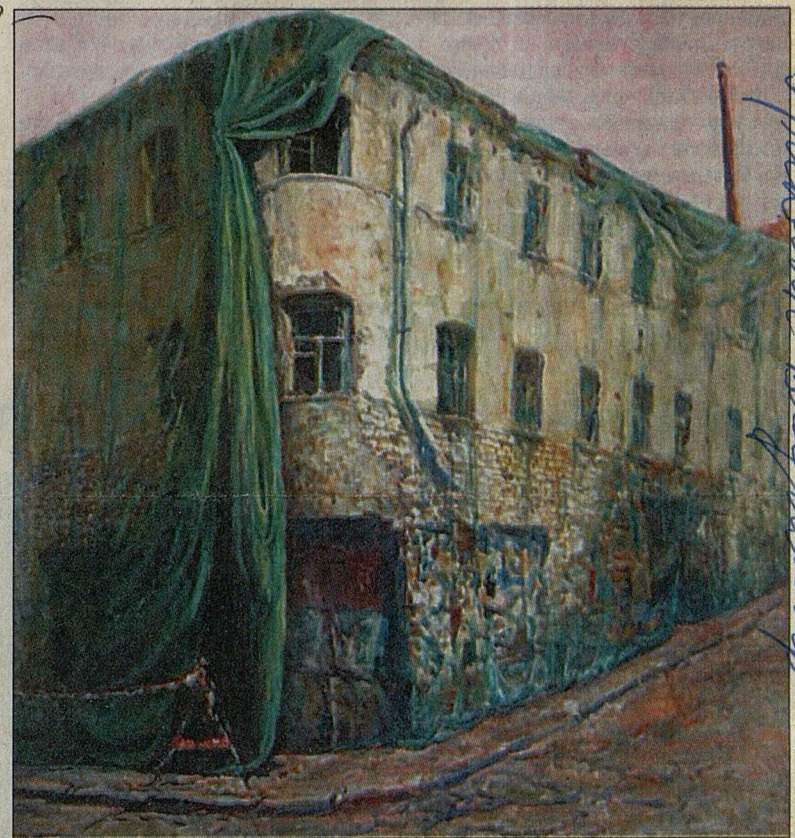
За плечами Брайнина вырастает огромная глыба всего «московского импрессионизма», идущего от начала XX века и конкретно от Константина Коровина. Холст превращается в карнавал мазков, размытых силуэтов, случайных бликов – короче, в пиршество для глаз, особенно любимое хлебосольными москвичами (в отличие от сдержанных питерцев).

Тут можно было бы поставить точку, приписав создателя «Диалога с собой» к великому сомну салонных мастеров, для которых не меньше чем «красивая живопись» важна еще и «красивая поза художника»: меланхолия, любовь к руинам, нелюбовь к современности. Будь он чуть более православным, чуть больше владей рисунком и композицией, чуть ближе к властям, вышел бы чистой воды Сергей Андрияка. Между тем что-то заста-

вляет людей, избегающих махрового салона, – вполне себе «продвинутых» критиков – идти на встречу с живописью Владимира Ефимовича. Дело опять же в позиции.

Один мотив повторяется у Брайнина с настойчивостью, достойной авангардиста, – отражение в московских лужах. Глядя на брайнинские лужи с плавающими в них фасадами особняков и доходных домов, немедленно вспоминаются строки Окуджавы, советовавшего художникам окунать кисти «в красоту дворов Арбатских и зарю». Он в прямом смысле окунает эту кисть в воду, чтобы показать, как старые дома, словно призраки, мерцают посреди московских хлябей (опять же – альтернатива питерским отражениям в каналах).

Секрет успеха Брайнина у нового поколения зрителей в том, что его пейзажи откровенно сростаются с поэзией 1970–80-х. С поэтическим уходом от «перспективного» взгляда в ретроспективу – в ретро и душевную спекуляцию. Для его поклонников Глазунов или Мыльников слишком прозаичны. Точно так же, как прозаична и фотография, давно освоившая «отражения в лужах» как проходной и банальный мотив (удел восторженных новичков). И тут уже приходится снова подивиться странной судьбе живописи на рубеже XX–XXI веков. Живопись (холст с мас-

«Занавес» – типичный пейзаж уходящей Москвы...

лом) уже несколько раз хоронили и списывали с корабля истории. Но даже когда она никак не хотела списываться, ее пытались дискредитировать перестроечные радикалы (вспомним размашистые и абсурдные холсты Дубосарского и Виноградова, обыгрывавшие сталинский реализм). Почти все уже признали, что живопись никак не может передать современность – она всегда обращена в прошлое. Но тяга к

маслу неистребима. Были уже «перемещенчество» от Глазунова, «галантный век» от Шилова, «нон-конформизм 60-х» от Церетели. Пора подняться еще на одну ступень и дать место интеллигентной живописи сегодняшнего «среднего поколения». И тогда обветшалые особняки в лужах и грустные маски львов на старых фасадах будут актуальней красоты церковных куполов или обнаженных натурщиц.